

OSHO

OSHO

THE MAGIC OF SELF-RESPECT

Awakening to Your Own Awareness

ОШО

ЧУДО САМОУВАЖЕНИЯ
Пробуждение к осознанию себя

УДК 130.123.4
ББК 88.57
О-96

Перевод с английского Е. Стародуб

Ошо

О-96 Чудо самоуважения: Пробуждение к осознанию себя /
Перев. с англ. — М.: ООО Книжное издательство «София»,
2016. — 352 с.

ISBN 978-5-906749-78-9

В этой книге Ошо рассматривает наши представления о самих себе. Объясняя, чем не является наше «я», он показывает, что оно представляет собой на самом деле. Ошо предлагает жесткий анализ наших убеждений — самого могущественного источника наших представлений о собственной идентичности. Пока человек тянет груз навязанных ему верований и убеждений, он не сможет сделать и шага на пути к раскрытию своей подлинной сущности.

В своих беседах Ошо показывает, как сделать свою жизнь подлинной, способной удовлетворить потребность каждого человека в творчестве и самовыражении и наладить гармоничное сосуществование с другими людьми.

УДК 130.123.4
ББК 88.57

The Magic of Self-Respect:
Copyright© 1984, 2010 OSHO International Foundation, Switzerland
www.osho.com/copyrights

All rights reserved.

English title: DANGER: TRUTH AT WORK, by Osho

Все материалы этой книги собраны из различных выступлений Ошо перед живой аудиторией. Ранее книга была опубликована под названием From Ignorance to Innocence (Chapters 16-30). Выступления Ошо доступны в виде книг, оригинальных аудио- и видеозаписей.

Записи и текстовые архивы находятся в свободном доступе онлайн-библиотеки по адресу: www.osho.com

OSHO — зарегистрированная торговая марка
Ошо Интернэшнл Фундэйшн.

Подробную информацию можно получить на сайте: www.osho.com

Osho International New York,
oshointernational@oshointernational.com
www.osho.com/oshointernational

ISBN 978-5-906749-78-9 © ООО Книжное издательство «София», 2015

Содержание

О серии «Authentic Living»	8
Введение	10
Глава 1. Невинность — это сила	12
Глава 2. Иисус, единственный забытый Сын Бога	34
Глава 3. Один Бог, один Посланник, одна Книга — одна большая ложь	57
Глава 4. Религиозность — это бунт	77
Глава 5. Просветленная организация — это живая гармония	98
Глава 6. Личность — трусливый компромисс	116
Глава 7. Очищение мятежного духа	137
Глава 8. Сознание: гроб для сознательности	159
Глава 9. Имитация смерти подобна	181
Глава 10. Иисус — единственный спаситель, Которому почти удалось спасти Самого Себя	204
Глава 11. Наблюдение, осознанность, бдительность — реальная Троица	229
Глава 12. Осознанность приносит свои плоды	257
Глава 13. Наука плюс религиозность — динамическая формула для будущего	280
Глава 14. Позитивное мышление — философия для лицемеров	300
Глава 15. Чудо самоуважения	327
Об авторе	348
Международный центр медитаций Ошо	349

Если ты уважаешь собственную жизнь,
то откажешься от услуг любых спасителей.
Ты скажешь им: «Проваливайте!
Займитесь своим собственным спасением.
Это моя жизнь, и прожить ее я должен сам».
Моя главная цель — вернуть каждому человеку
изначально присущее ему уважение к самому себе,
которое он растерял, отдав другим.

Ошо

О СЕРИИ «AUTHENTIC LIVING»

В беседах, которые вошли в книги этой серии, Ошо отвечает на вопросы своих слушателей.

Вот что он говорит о ходе таких бесед:

«Как задать по-настоящему важный вопрос, который был бы значим не только интеллектуально, но и сущностно? Как спросить, чтобы помимо формальных знаний получить и нечто иное — ощущение подлинной жизни? Для этого нужно усвоить следующее...

Что бы ты ни спрашивал, никогда не задавай заранее заготовленных, стандартных вопросов. Спроси о том, что напрямую касается тебя, о том, что ты считаешь действительно важным, — и в ответ ты услышишь слова, которые тебя трансформируют. Задай вопрос, от которого зависит твоя жизнь.

Не нужно заумных вопросов, которые ты где-то подслушал. Спроси то, о чем хочешь узнать именно *ты*. Когда я говорю «ты», то имею в виду тебя такого, какой ты есть прямо в эту минуту, здесь и сейчас. Когда ты спрашиваешь о том, что происходит с тобой здесь и сейчас, это становится сущностным событием, которое не просто отложится в твоей памяти, но отразится на всем твоём существе.

Не задавай вопросов, ответы на которые никак на тебя не повлияют. Предположим, ты захочешь спросить меня о существовании Бога: «А Бог есть?» Спрашивай об этом, только если ответ тебя изменит — если Бог есть, ты будешь одним человеком, а если Его нет, ты будешь иным. Если же мой ответ никак на тебя не повлияет, то такой вопрос лишен всякого смысла. Ты просто удовлетворяешь собственное любопытство, а не спрашиваешь по-настоящему.

И вот что я замечаю: есть Бог или Его нет — люди от этого никак не меняются. Они спрашивают только для того, чтобы пополнить свой багаж поверхностных знаний. У них

отсутствует подлинный интерес — их вопрос не является сущностным.

Так что запомни: спрашивать следует только в случае, если ответ для тебя действительно важен. Только тогда он будет иметь для тебя какой-то смысл, только тогда в зависимости от ответа ты станешь иным. Станешь ли ты другим человеком, услышав тот или иной ответ? Произойдут ли в твоей жизни столь крутые изменения, что ты уже не сможешь оставаться прежним?»

ВВЕДЕНИЕ

«Respect» — «уважение» — одно из самых красивых слов в английском языке. Но это не значит, что в нем есть еще один глубинный смысл помимо общепринятого — почитание. Нет, Respect просто значит Re-spect, взгляни еще раз. Просто посмотри еще раз, взгляни на прошлое. Прежде чем ты стал частью общества, культуры, цивилизации, ты знал свое настоящее «я». Многие люди считают детство лучшей частью своей жизни — и это не случайность. Это давно утраченные воспоминания, ибо в твоей жизни, в раннем детстве было время, когда ты еще не лишился своего истинного «я».

Если ты оглянешься на прошлое и глубоко погрузишься в свою жизнь, то обнаружишь момент, когда ты начал терять себя и возвращать эго — фальшивое «я». Это мгновение станет мгновением прозрения.

Ошо

Как бы мы ни называли это качество — «самоуважение» или «самооценка», — его поиск нередко оказывается главной составляющей наших попыток «взглянуть еще раз», отыскать путь к истине, к подлинному существованию в этом мире. Но разве мы знаем, что такое это «я»?

В этой книге Ошо рассматривает наши представления о самих себе. Объясняя, чем не является наше «я», он показывает, что оно представляет собой на самом деле. Исследование начинается весьма неожиданно: с жесткого анализа религиозных воззрений — самого могущественного источника наших представлений о собственной идентичности. Религиозные и моральные установки с пеленок определяют поведение большинства людей в общении с себе подобными. По словам

Ошо, пока человек тянет груз навязанных ему верований и убеждений, он не сможет сделать и шага на пути к раскрытию своей подлинной сущности. Пока мы не узнаем, кто мы есть на самом деле, любое уважение, которое мы испытываем к самим себе, так и останется колоссом на глиняных ногах, готовым обрушиться в любую секунду, стоит дать трещину хоть одному из столь дорогих нашему сердцу убеждений.

Отвечая на вопросы слушателей, Ошо разъясняет, сколь сильно религиозные и общественные установки влияют на нашу повседневную действительность — а мы этого даже не осознаем. Он утверждает, что нас постоянно тут и там отталкивают от подлинной сущности, с которой мы родились. Вместо подлинного уникального «я» формируется фальшивая идентичность — так называемое «эго» или личность. С годами фальшивое «я» полностью подчиняет себе наше творческое начало, завладевает представлениями о том, что такое успех, диктует, как строить отношения и как интерпретировать все жизненные ситуации. В то же время совокупное эго, которое мы называем «обществом», формирует все политические, образовательные и религиозные институты, а они в свою очередь делают все возможное, чтобы передать старые шаблоны поведения новым поколениям чистых и непорочных юных созданий.

Отвергая любые троицы, известные нам из прошлого, Ошо предлагает читателю новую триаду — бдительность, осознанность и наблюдение. Эти состояния — ключ, который поможет нам открыть свою подлинную природу, истинное «я», сокрытое в каждом человеке. И как только такое открытие состоится, скрывавшие нас прежде фальшивые личины исчезнут сами по себе.

Беседы, вошедшие в эту книгу, происходят в необычном месте — коммуне ищущих, которая стала частью эксперимента, призванного сделать медитацию частью повседневной жизни. В этих беседах Ошо показывает, как сделать свою жизнь подлинной, способной удовлетворить потребность каждого человека в творчестве и самовыражении и наладить гармоничное сосуществование всех людей.

Глава I

НЕВИННОСТЬ — ЭТО СИЛА

*Является ли гипотеза о существовании Бога
бесполезной в любом смысле?*

*Ибо всякий раз, когда мне в голову
приходит мысль отказаться от идеи Бога,
я испытываю огромный страх.*

Слишком поздно! Как только человек начинает называть представление о Боге *гипотезой*, считай, что он уже от Него отказался.

Так называемые верующие никогда не применяют слово «гипотеза» по отношению к Богу. Для них Бог не является нашей гипотезой. Напротив, это мы являемся созданием Божьим; он представляет собой источник бытия, он — наиболее сущностная Сущность. Но если ты называешь Бога гипотезой, это означает, что ты относишь Его к тем же категориям, что и Евклидовы гипотезы в геометрии или другие теории, которые являются только допущениями. Они могут оказаться как верными, так и ошибочными. Только эксперимент, только опыт может доказать их справедливость, но его также нельзя признать окончательным доказательством, ибо последующие эксперименты могут опровергнуть результаты предыдущих.

Гипотеза — это предполагаемый факт, временно принимаемый нами за истину — но только временно. Никто не может утверждать, что завтра эта истина не окажется ложной. Вспомни, что произошло за триста лет развития науки: то, что было верным для Ньютона, стало ложным для Резерфорда. Истина Резерфорда перестала быть таковой для Альберта Эйнштейна. Более совершенные эксперименты, более современное оборудование — все это способно опровергнуть гипотезу.

Так что ни один богослов не станет называть Бога гипотезой; для него Бог — непреложная истина, и Его существование не зависит от экспериментов. Если вы не способны Его обнаружить — это ваша проблема, а отнюдь не доказательство того, что Бога не существует. Если у вас получится, значит, Он, конечно же, существует. Если же вы потерпите неудачу — так тому и быть, и тем не менее Бог существует.

Гипотеза — научный термин, а не теологическая категория. Наука очень честна, теология, напротив, крайне лжива. Само слово *теология* показывает ее нечестность, неискренность. *Тео* означает «Бог», *логия* значит «логика». Но еще никто не предложил логичного доказательства существования Бога. Есть множество аргументов, доказывающих, что Бога нет, — и ни одного в пользу Его существования. И все же теологи продолжают говорить о «логике Бога».

Гипотеза — научный термин, а не теологическая категория. Наука очень честна, теология, напротив, крайне лжива. Само слово *теология* показывает ее нечестность, неискренность. *Тео* означает «Бог», *логия* значит «логика». Но еще никто не предложил логичного доказательства существования Бога. Есть множество аргументов, доказывающих, что Бога нет, — и ни одного в пользу Его существования. И все же теологи продолжают говорить о «логике Бога».

Было бы честнее, если бы богословы называли Бога гипотезой, но разве можно поклоняться гипотезе? Если ты знаешь, что Бог лишь гипотеза, — может, верная, а может быть, и нет... Но в случае «может быть» или «вероятно» никакое поклонение невозможно; для поклонения необходима слепая вера в то, что Он существует. И даже если все доказательства говорят против, все же Он существует. В этом смысл веры. Вера не опирается на логику, она абсолютно нелогична. А назвать идею Бога гипотезой означает разрушить все церкви, храмы и синагоги.

Слово *гипотеза* очень важно: оно означает, что тебе разрешается сомневаться, то есть разрешается экспериментировать и делать открытия. Это лишь временное допущение, с которого можно начать, — ведь с чего-то нужно начать, так что на какое-то время мы принимаем эту гипотезу. Но как же ей тогда поклоняться? Как священник может тебя эксплуатировать? Использовать слово *гипотеза* означает пойти наперекор

верующим. Они ни за что не согласятся даже на то, чтобы назвать Бога идеей, ведь идея — это порождение твоего ума, твоя проекция. Для них Бог не идея, Он — единственная истина.

В Индии, где религия принимает самые причудливые очертания, говорят, что это ты — идея в уме Бога, а не наоборот. Бога нельзя считать идеей в твоём уме, поскольку ум забит кучей мусора: ночными кошмарами, фантазиями, разнообразными желаниями. Так что, теперь и Бога отправить туда же? А твои идеи меняются каждую секунду; они похожи на облака с вечно изменчивыми очертаниями.

Ведь когда ты был ребенком, и мысли у тебя были другими. Когда ты стал юношей, твои мысли изменились, затем, когда ты превратился в молодого мужчину, мысли снова приняли иной ход, а когда ты превратишься в старика, то никак не сможешь сохранить те же мысли, которыми твоя голова была забита в юности. Все меняет опыт. Просто невозможно удерживать одну мысль на протяжении всей жизни; на такое способен только полный идиот. Если у тебя есть хоть капля разума, твои мысли будут меняться с течением времени.

Верующие ни при каких условиях не согласятся отнести к Богу слово «идея» — а уж «гипотеза» и подавно. Вот почему я говорю, что ты опоздал — слишком поздно.

Ты называешь Бога идеей... а согласно определению, медитация — это состояние ума, в котором отсутствуют любые идеи, даже идея Бога.

Гаутама Будда говорит: «Если ты встретишь меня, тут же отруби мне голову, ведь что я здесь делаю? Только беспокою тебя. Само представление обо мне уже есть беспокойство». Это все равно что бросить камешек в тихое озеро: на его поверхности пойдет рябь — тысячи, миллионы мелких волн. Простая идея, брошенная в тихое озеро твоего ума, порождает миллионы волн — и это может увести тебя очень далеко от самого себя.

Каждая идея уводит тебя от себя; отсюда и определение медитации — *состояние сознания, свободное от любых мыслей*.

Так что в медитации нельзя уйти от самого себя, ты просто центрируешься в собственном существе. Нет объектов, которые ты мог бы созерцать. Ты остаешься совершенно один. Твое сознание начинает вращаться вокруг самого себя.

Сознание подобно свету. Свет здесь, мы все здесь; свет падает на нас, на стены, на занавески, на все, что нас окружает.

Все это объекты. Просто задумайся на мгновение: если убрать все объекты, останется только свет, который ничего не освещает. Однако у света сознания нет, а у тебя есть. И когда все объекты исчезают, сознание начинает освещать себя самое, обращается вглубь себя; происходит возврат к себе, ибо ничего более этому не препятствует.

Слово «объект» означает именно это — то, что препятствует, преграждает, является помехой. Куда ты отправишься, если объекта нет? Тебе придется обратиться к себе, сознание осознает себя — и нет никакой идеи Бога.

В обычных состояниях сознания идеи — просто мусор. В том необычном пространстве не-ума идей не существует. Так что ты либо должен отправить Бога на мусорную кучу, либо поместить Его туда, где никакие объекты не допускаются.

Верующие не применяют слова «идея» в отношении Бога. Оно из арсенала философов, а слово «гипотеза» используют ученые. Для верующего человека Бог — единственная реальность, однако, прибегнув к слову «идея», ты ушел слишком далеко — слишком далеко от так называемой реальности Бога.

Но твой вопрос важен с разных точек зрения. Во-первых, ты спрашиваешь: является ли данная гипотеза в любом случае полезной? Да, она полезна — не для тебя, но для тех, кто желает тебя эксплуатировать: для твоего священника, раввина, Папы Римского, для целой армии им подобных по всему миру. Кто такой Папа Римский, если отбросить допущение о том, что Бог есть? Кто такой Шанкарачарья? Да никто! А кто такой Иисус? Ведь нельзя же быть Сыном гипотезы, это выглядит как-то странно. Нельзя быть Мессией гипотезы. Было бы весьма удивительно, если бы гипотеза принялась посылать нам мессий.

Бог должен быть реальным для того, чтобы все эти люди могли тебя использовать, и на протяжении тысяч лет именно этим они и занимались. Они будут это делать и дальше по той простой причине, что ты боишься отказаться от этой идеи.

Ибо для твоего существа она крайне важна. Почему ты боишься отказаться от идеи Бога? Безусловно, эта идея в каком-то смысле помогает тебе *не бояться*; так что стоит тебе от нее отказаться, как страх снова даст о себе знать. Это своего рода психологическая защита, не более.

Ребенок обречен постоянно бояться. Но в материнской утробе ему не страшно. Я ни разу не слышал, чтобы ребенок, пребывающий в чреве матери, задумал бы отправиться в синагогу или церковь, собрался бы прочесть Библию, Коран или *Гиту*, да и вообще беспокоился бы о том, есть Бог или нет. Даже представить себе не могу, чтобы еще не рожденный младенец интересовался Богом, дьяволом, раем или адом. Зачем это ему? Он уже в раю. Его жизнь — просто сказка, лучше не придумаешь.

Плавая в водах теплой и уютной утробы, он полностью защищен и всегда накормлен. Тебе будет интересно узнать, что в относительных цифрах за девять месяцев внутриутробного развития ребенок вырастает больше, чем за девяносто лет своей жизни. В течение девяти месяцев он проходит очень долгий путь: практически из ничего он становится развитым существом. За девять месяцев он проходит миллионы лет эволюции — от первых живых существ и до наших дней. Он преодолевает все этапы развития.

И его жизнь совершенно безопасна: ему не нужно работать, не страшен голод, за него все делает материнское тело. Девятимесячное пребывание в чреве матери порождает проблему, из-за которой и появились на свет все так называемые религии.

Когда ребенок покидает материнскую утробу, первое чувство, которое его охватывает, — это страх. И совершенно понятно почему. Он лишился дома, куда-то подевалась безопасность. Исчезло его теплое, уютное прибежище, он утратил все, что считал своим миром; его выбросило в странное место, о котором он ничего не знает. И здесь ему придется дышать самому.

Первые несколько секунд ребенок свыкается с тем фактом, что отныне он должен дышать сам — материнское дыхание ему больше не поможет. Чтобы привести ребенка в чувство, акушерка переворачивает его вниз головой и больно бьет по попе. Хорошенькое начало! Весьма теплый прием! От этого шлепка ребенок начинает дышать.

Ты замечал, что в момент испуга твое дыхание меняется? Если нет, понаблюдай за собой. Всякий раз при испуге твое дыхание изменится. А когда ты будешь спокойно и расслабленно наслаждаться уютом своего дома, где тебя ничто не

тревожит, ты заметишь, что дыхание становится все более гармоничным, размеренным и спокойным. Пребывая в глубокой медитации, ты иногда почувствуешь себя так, будто твое дыхание остановилось. Оно не останавливается полностью, только почти.

Начало для ребенка — это боязнь всех и вся. Целых девять месяцев он провел в крошечной темноте, а родильный зал современной больницы, где ему предстоит родиться, встретит его ослепительным светом. А ведь это слишком суровое испытание для его глаз, его сетчатки, которая еще никогда не видела света, даже крохотного огонька свечи. Такой свет станет для его глаз сильнейшим потрясением.

А врач не станет медлить и секунды — он сразу обрежет ту связующую нить, которая соединяет ребенка с матерью, его последний оплот безопасности. А ведь он такой крохотный! Ты не хуже меня знаешь, что в целом мире нет существа беспомощнее, чем человеческий младенец. Вот почему лошади до сих пор не выдвинули гипотезу о существовании Бога. Слоны тоже пока не задумывались на эту тему; просто им это не нужно. Детеныш слона сразу после рождения начинает бегать и осваивать окружающий мир. Он куда самостоятельнее человеческого младенца. Ведь эта беспомощность породила столь многое, что просто диву даешься: семья, общество, культура, религия, философия — все это появилось благодаря нашей младенческой беспомощности.

У животных отсутствует институт семьи, и причина здесь одна — их детенышам родители нужны очень недолго. Человеку пришлось придумывать некую систему. Отец и мать должны быть вместе, чтобы воспитывать ребенка. Он — плод их любви, их творение. И если ребенка бросить на произвол судьбы, как это делают многие животные, он просто не выживет. Это совершенно невозможно представить! Где он будет брать еду? К кому он обратится? Да и как он будет просить?

Может быть, он рождается слишком рано... Некоторые биологи полагают, что человеческий ребенок появляется на свет преждевременно. Девять месяцев — слишком малый срок, ведь он рождается таким беспомощным. Но тело человека устроено так, что мать не может вынашивать младенца дольше девяти месяцев, иначе она погибнет. А ее смерть означает и гибель младенца.

Существует предположение, что если бы ребенок мог развиваться в материнской утробе хотя бы три года, тогда, возможно, отпала бы необходимость в папе и маме, в семье, обществе, культуре, в Боге и священниках. Но ребенок не может жить в чреве матери целых три года. Этот странный биологический закон повлиял на все поведение и мышление человека, на структуру семьи и общества; этот закон породил страх.

Первое переживание ребенка — это страх, и последнее переживание человека — тоже страх.

Запомни: рождение — разновидность смерти; просто посмотри на нее глазами ребенка. Он жил в своем мире и этот мир его полностью устраивал. Он ни в чем не нуждался и ничего не желал. Он просто наслаждался своим существованием, своим ростом — и вдруг он всего этого лишается. Для ребенка это переживание равносильно переживанию смерти — гибели его прежнего мира, безопасности, его уютного прибежища.

По мнению ученых, человек пока не научился создавать жилища, которые по удобству были бы сравнимы с материнской утробой. Хотя мы пытались: все наши дома — лишь попытки создать нечто столь же уютное. Чтобы повторить те же ощущения, мы даже придумали водяные матрасы. У нас есть ванны с горячей водой; лежа в ванне, ты можешь почувствовать себя младенцем. Люди, которые знают толк в хорошей ванне, непременно добавляют в воду немного соли, ведь в материнской утробе вода тоже соленая — в ней такое же количество соли, что и в морской воде. Но сколько можно пролежать в ванне? Теперь изобрели камеры сенсорной депривации, которые, по существу, и являются устройствами, воссоздающими условия утраченной нами утробы.

Зигмунд Фрейд — не просветленный. По правде говоря, он немного чокнутый, но ведь и у чокнутых бывают моменты прозрения. Иногда и его посещают хорошие мысли. К примеру, он полагает, что когда мужчина занимается любовью с женщиной — он просто пытается еще раз проникнуть в матку. Наверное, в этом что-то есть. Этот человек — сумасшедший, и его идея кажется несколько притянутой за уши; но даже если Зигмунд Фрейд сошел с ума, все же к нему следует прислушаться. Я чувствую, что в его идее есть доля истины: здесь

действительно прослеживается стремление попасть в матку, пройти тем же путем, через который человек выходил при рождении.

Конечно же, он не может попасть обратно. И тогда мужчина изобретает заменители: он обустроивает пещеры, строит дома, самолеты. Посмотрите на салон самолета — я не удивлюсь, если в один прекрасный день пассажиры будут лететь, плескаясь в ваннах, наполненных горячей соленой водой. Благодаря самолету ты можешь получить те же ощущения, но этого совершенно недостаточно.

Ребенок ничего другого не знал. Мы пытаемся создать нечто подобное — человек просто нажимает на кнопку над своим креслом, и появляется стюардесса. Мы стремимся создать себе максимум удобств, но нам никак не удается достичь того же уровня комфорта, который был в утробе матери. Там тебе не нужно было нажимать на кнопку. Не успевал ты почувствовать голод, как тебя уже кормили. Ты еще не сознавал, что тебе нужен свежий воздух, а он уже поступал к тебе. У тебя не было никаких забот.

Так что ребенок воспринимает свое появление на свет — если он вообще в это время что-либо воспринимает — как смерть. Он не способен ощутить это как рождение, такое попросту невозможно. Таково наше представление — тех, кто находится снаружи, — только мы утверждаем, что это рождение.

А потом это случается еще раз: однажды, после стольких лет житейской суеты... Человек уже как-то устроился — обзавелся домиком, семьей, друзьями, создал теплый, уютный уголок, где можно расслабиться и побыть самим собой, где его принимают. Тяжко — ведь всю жизнь человек старался... и вдруг однажды его вновь выбрасывает из привычного окружения.

Снова приходит врач: тот самый человек, который шлепал его по попе! Но тогда малыш делал первые вздохи, а на этот раз, судя по всему... Мы остаемся с этой стороны и не знаем, что происходит с другой. Мы отдаем ее на волю воображения. Вот откуда взялись ад и рай, вот почему появляются самые безумные видения. Мы остаемся здесь, а этот человек умирает. Это для нас он умирает; но, может, он снова перерождается. Но это известно только ему, он не может привстать и сказать нам: «Не волнуйтесь, я не умер, я живой». Он не мог осмо-

треться в материнской утробе, бросить последний взгляд на свое прибежище и сказать «до свидания». Вот и теперь он не в состоянии повернуться, открыть глаза, попрощаться с вами и произнести: «Не переживайте. Я не умираю. Я опять рождаюсь».

Индуистская концепция реинкарнации — не более чем проекция обычного рождения. Для матки — если бы она могла думать — ребенок умирает. Для ребенка — если он способен размышлять — он тоже умирает. Однако же он рождается; это была не смерть, а рождение. Индуисты проецируют эту идею на смерть. Нам здесь кажется, будто человек умирает, а если посмотреть с другой стороны... Но другая сторона — лишь плод нашего воображения, можем придумать ее любой, какой нам захочется.

Каждая религия представляет ту сторону по-разному, поскольку любое общество и его культура зависят от географических условий и истории народа. Скажем, тибетцы не могут вообразить загробный мир прохладным — их страшит даже прохлада, а холод для них вообще немыслим. Тибетцы полагают, что умершему человеку тепло, он попадает в новый мир, где не бывает холода. Индус даже представить себе не может, что *там* всегда тепло. Четырех месяцев индийского изнуряющего зноя уже более чем достаточно, а если жара длится целую вечность — то ты просто спечешься! В индуизме нет представления о кондиционировании, но, если взглянуть на описание их рая, может показаться, что он весь увешан кондиционерами — там всегда прохладно, не бывает ни жары, ни холода. Там всегда весна, индийская весна. Ведь на земном шаре весна бывает самой разной, так вот — в том раю именно индийская весна. Все растения буйно цветут, ветерок наполнен тончайшими ароматами, поют птицы, все живет и благоухает. Но воздух не теплый, а именно *прохладный*. Об этом нам напоминают постоянно: в раю всегда дует прохладный ветерок.

Эту идею порождает человеческий ум; иначе рай у всех был бы одинаков — у тибетцев, индусов или мусульман. Мусульманин не может представить, что загробный мир выглядит как пустыня, ведь он и так уже сыт по горло своей Сахарой. Нет, тот свет — это большой, огромный оазис. И там не нужно брести сотни миль, чтобы наткнуться на крохотный островок

живой природы с парой деревьев и полужасохшим источником. Нет, там оазис повсюду, а пустыни нет вовсе.

Мы проецируем идеи своего ума, но умирающий вновь переживает опыт, который однажды у него уже был. Ни для кого не секрет, что в минуту смерти, если человек не теряет сознание и не впадает в кому, перед его глазами проходит вся его жизнь. Он возвращается в первые минуты жизни, к моменту рождения. По-видимому, это крайне важно, что, покидая этот мир, человек может еще раз вспомнить прошлое. Всего за несколько мгновений — как в кинофильмах — перед ним проходит вся жизнь. События мелькают одно за другим, поскольку в двухчасовой фильм нужно вместить много лет. Если бы события в фильме шли с обычной скоростью, тебе пришлось бы просидеть в кинотеатре больше двух лет, а кому такое понравится? Нет, мелькают кадры, сменяются даты, летят годы. Все это происходит очень быстро.

А в секунду смерти — даже быстрее. Вся жизнь пролетает перед глазами за один короткий миг и останавливается на самой первой секунде. И сейчас происходит то же самое — жизнь прошла полный цикл, она замкнула круг.

Почему я хочу, чтобы ты это запомнил? Потому что твой Бог — всего лишь порождение первого страха, который повторяется снова и снова, становится все больше — и так до самых последних минут жизни. Вот почему молодой человек скорее всего будет атеистом, он может себе это позволить. Но с годами оставаться атеистом ему будет все сложнее. А когда его жизнь подойдет к концу и одной ногой он будет стоять в могиле, спроси его: «Ты по-прежнему не веришь в Бога?» Он ответит тебе: «Нет, пожалуй, я передумал». Ведь его мир рушится.

Мой дедушка был абсолютно неверующим человеком. Скорее он напоминал Грека Зорбу: «Ешь, пей и радуйся жизни. Никакого загробного мира не существует. Все это ерунда». Мой отец был очень верующим. Наверное, из-за деда — из чувства противоречия, конфликт поколений. Только в моей семье все было перевернуто с ног на голову: дед был атеистом, и потому отец стал верующим. Всякий раз, когда отец собирался в храм, дедушка смеялся и говорил: «Ты опять за свое? Ладно, иди — трать время впустую, торчи перед этими дурацкими статуями!»

Я люблю Зорбу по многим причинам; одна из них — в нем я вновь открыл своего деда. Он так любил хорошо покушать, что никому не доверял процесс приготовления еды и всегда готовил сам. За свою жизнь я побывал в гостях у тысяч индийских семей, но ни разу не ел ничего вкуснее, чем блюда, приготовленные моим дедом. Он так любил готовить, что каждую неделю устраивал пир для друзей — и целый день проводил на кухне.

Оттуда выгоняли всех — маму, тетушек, слуг, поваров. Когда дед стоял у плиты, его нельзя было беспокоить. Но для меня он делал исключение: разрешал мне наблюдать и говорил: «Запомни, в этом деле нельзя зависеть от других. Только ты знаешь свой вкус. Кто еще может его знать?» Я отвечал: «Нет, это не для меня. Я слишком ленив, но посмотреть могу. Целый день возиться на кухне? Я на такое не способен».

Я так ничему и не научился, но мне нравилось смотреть, как готовит дед, как он работает — почти как скульптор, художник или музыкант. Приготовление еды было для него не просто занятием, но целым искусством. И если блюдо получалось чуть хуже, чем он рассчитывал, он тут же без сожалений его выбрасывал. А затем все готовил снова и приговаривал: «Теперь все отлично». Он часто говорил: «Знаешь, это блюдо получилось не идеально, а просто хорошо; но я ведь перфекционист. Пока оно не будет соответствовать моим стандартам, я не смогу подать его гостям. Я люблю свою еду».

Он часто готовил разные напитки... В такие дни вся семья восставала против него, все говорили, что он совершенно невыносим. Он никого не допускал на кухню, а вечером собирал в доме всех неверующих города. И в пику джайнизму он всегда дождался, пока сядет солнце. Он старался не есть до заката, ведь джайнам полагается принимать пищу именно до захода солнца, а после это запрещено. По его просьбе я по несколько раз за вечер бегал посмотреть, не село ли солнце.

Остальных домашних все это ужасно раздражало. Но на него они злиться не могли — он был главой семьи, самым старшим мужчиной. И потому все срывали злость на мне. Так было проще. Мне говорили: «Почему ты так часто бегаешь смотреть на солнце? Этот старик испортит и тебя».

Мне очень досадно, что книга «Грек Зорба» попала мне, только когда дед уже доживал последние дни. На его поминках

я остро ощущал, что, успею ли перевести эту книгу и прочесть ему, она пришлась бы ему по душе. Я часто ему читал. Он был неграмотным. Он умел только ставить свою подпись и больше ничего. Не умел ни читать, ни писать — и очень этим гордился.

Он говорил: «Хорошо, что папа не заставлял меня ходить в школу, иначе он бы меня испортил. Эти книги так портят человека!». Мне он часто повторял: «Запомни: и твой отец, и твои дядя — все они испорчены. Они вечно читают эти религиозные книжки и священные писания. А все это — куча хлама. Пока они читают, я *живу*. Учитесь лучше у жизни».

Еще он мне говорил: «Тебя отправят в университет — меня слушать не хотят. Тут я ничего не смогу поделать, ведь если твои родители настаивают, так тому и быть — поедешь учиться. Но будь осторожен — не утони в книжках».

Ему нравились простые вещи. Я его спрашивал: «Баба, все верят в Бога, а почему ты не веришь?» Я называл его *баба*, это слово в Индии означает «дедушка». Он отвечал: «Потому что я не боюсь».

Очень простой ответ: «А чего мне бояться? У меня нет на то причин. Я не сделал ничего плохого, никого не обидел. Я просто живу и радуюсь жизни. Если Бог и существует, когда-нибудь я Его встречу. И Он не будет на меня сердиться. Это я на Него рассержусь: “Зачем Ты создал этот мир? *Такой* мир?” Нет, я не боюсь».

Когда он умирал, я опять задал ему этот вопрос. Врачи сказали, что ему осталось совсем недолго — может, пару минут. Пульс становился все реже, сердце уже не прослушивалось, но он еще был в полном сознании. Я сказал: «Баба, я хочу спросить...»

Он открыл глаза и проговорил: «Знаю я твой вопрос: почему я не верю в Бога? Так и знал, что, когда я буду умирать, ты опять меня об этом спросишь. Думаешь, смерть меня напугала? Я жил с такой радостью, так хорошо, что совсем не сожалею о смерти. Что мне делать завтра? Я уже все испытал, больше ничего не осталось. Да, мое сердце стучит все реже, и пульс почти пропал, но я думаю, что все будет хорошо. Мне сейчас очень легко и спокойно. Не знаю, умру я или останусь жив. Просто запомни: *я не боюсь*».

Ты говорил, что стоит тебе отказаться от идеи Бога, и тут же поднимается страх. Вот лучшее доказательство того, что этим валуном — идеей Бога — ты подавляешь страх. И стоит тебе хоть немного откатить валун в сторону, как страх тут же дает о себе знать.

У меня в университете был один преподаватель — весьма авторитетный в тех местах брамин. Его уважал весь город. Мы с ним были соседями, наши дома разделяла узкая тропинка. На углу моего дома стояло огромное дерево ним. Тот брамин преподавал санскрит, и все его разговоры были только о Боге, молитвах и богослужениях. В сущности, он просто промывал людям мозги.

Я спросил его: «Мой дед не верит в Бога, и когда я его спрашиваю почему, он отвечает “Потому что я не боюсь”. Значит, вы сильно боитесь? Вы постоянно повторяете слово Бог, словно стараетесь вбить его нам в головы. Каждое утро я слышу, как вы по три часа распеваете мантры. Причем поете так, что вас слышу не только я, но и вся округа. И ведь вам никто ничего не скажет: вы же поете религиозные гимны. Если бы вы занялись современными танцами или играли джаз, то все соседи сбежались к вам с жалобами на шум».

Каждое утро, с пяти до восьми он мешал всем окрестным жителям. Голос у него был действительно очень громкий. Но поскольку он пел мантры, никто не осмеливался жаловаться.

И вот я ему говорю: «Вы что, так боитесь? Вы молитесь по три часа каждый день. Наверное, ваш страх очень силен, если вам целых три часа приходится уговаривать Бога защитить вас». «Я не боюсь, — отвечал он. — А твой дед — старый плут. — Они были почти ровесники... — Он плут, не слушай его. Он тебя испортит».

Я удивился: «Странно: он думает, что вы меня испортите, а вы полагаете, что он. Но я уж постараюсь, чтобы никто меня не испортил. Я верю деду, когда он говорит, что не боится. А вот насчет вас я не уверен». Он спросил: «Почему?»

«Потому что когда вы вечером проходите мимо дерева ним, — отвечал я, — вы начинаете читать мантры». В Индии считается, что в дереве ним обитают духи, и по ночам индусы стараются обходить его стороной. Но мой преподаватель был вынужден ходить этой дорогой, поскольку она вела к его дому.

Иначе, чтобы попасть домой, ему пришлось бы делать большой крюк. Ходить длинной дорогой было слишком неудобно, вот он и избрал собственную «религиозную стратегию» — чтение защитных мантр. Приближаясь к нашей тропинке, он начинал читать мантры. «Я вас слышал, — сказал я. — Правда, вечером, вы читаете мантры чуть тише, чем по утрам, но я вас все-таки слышу. А я знаю, что духи существуют, поэтому ничего зазорного в вашем поведении не нахожу».

«Откуда ты знаешь, что я так делаю?» — спросил он. Я сказал: «Я часто стою под этим деревом в темноте и заметил, что, проходя мимо него, вы ускоряете шаг и начинаете читать мантры чуть громче. Но зачем вы их читаете, если вам не страшно? А если вы боитесь духов, то какой прок от ваших утренних молитв Богу? Разве Он не может защитить вас от духов?» «Отныне я больше не буду читать мантры», — сказал он.

И, конечно, свое слово сдержал. Следующим вечером он уже шел молча, но, как и раньше, ускорил шаг, проходя мимо дерева. Я же придумал вот что: забравшись на дерево с пустой консервной банкой, я стал колотить в нее, как в барабан. Я просто бил по банке, а потом бросил ее ему на голову. Ты бы видел, что с ним стало! Он бросился бежать с криками «*Бхут! Бхут! Бхут!*».

Традиционная одежда индийцев отличается от западной. Правда, в последние годы западный костюм у нас встречается все чаще, поскольку он более практичен; индийская одежда более роскошна, но не так практична. Если вам приходится работать в поле или на фабрике, индийская одежда опасна, так как длинное и свободное платье может попасть в любой механизм. *Дхоти* — индийская разновидность штанов, тоже слишком объемные и свободные. Эта одежда напоминает нам о том, что когда-то наша страна переживала очень хорошие времена.

В такую одежду не нарядишь солдат. Они просто не смогут в ней воевать, одних штанов будет достаточно, чтобы прикончить солдата! Даже если ему придется убежать с поля боя, он не сможет. Разве я могу бегать в своем одеянии? Конечно, нет. Проще умереть, чем убежать.

Этот человек очень испугался... Когда банка с грохотом свалилась ему на голову, его *дхоти* свалился, и он влетел в дом

совершенно голый! А дхоти так и остался лежать на земле. Я слез с дерева, поднял дхоти и был таков.

В его доме поднялся ужасный переполох. Сбежались соседи, все спрашивали, что случилось. Он отвечал: «Все из-за этого мальчишки. Сегодня утром он мне сказал: “Не читай мантры. Если ты не боишься, не читай”. Он бросил мне вызов. Завтра я с ним обо всем поговорю. Это из-за него я на старости лет превратился в посмешище. Вся округа видела меня голым!» А в Индии появиться на людях голым, да еще и для такого уважаемого во всем городе человека...

На следующий день он с крайне серьезным видом направился к моему дому. Я знал, что он придет, и приготовил консервную банку, положив туда его дхоти. Увидев, что я иду ему навстречу с банкой, он спросил: «Что это такое?» «Нет, первое слово за вами, — ответил я. — Вы грозилась соседям, что серьезно со мной поговорите. Я тоже хотел вас увидеть. Так что теперь большой вопрос, кто к кому пришел. Вы можете наказать меня, как сочтете нужным, но знайте, что эту банку я открою на глазах у всей школы».

«Что там?» — спросил он. «Привидение! *Бхут!* Я поймал в нее духа, который вас напугал». — «Духа? Это та самая банка, которая упала с дерева?» «Ну да», — отвечал я. «Отнеси ее обратно. Она опасна», — проговорил он. «Лучше давайте посмотрим, что там внутри. — Я открыл банку и достал дхоти: — Может, вы все-таки его заберете?» «Но откуда оно у тебя?» — удивился он.

Я ответил: «А кто, по-вашему, все это подстроил? Вам бы следовало меня поблагодарить, что я взял на себя труд взобраться на дерево, постучать по банке, а потом бросить ее вам на голову. Затем подобрать в темноте ваше дхоти и убежать, пока меня не поймали. Все это для того, чтобы отучить вас меня обманывать». И хоть ему было известно, что всю эту затею придумал я, с этого дня он перестал ходить домой по тропинке и делал большой крюк. Я спросил его почему. «Ведь вы знаете, что это был я». — «Не хочу испытывать судьбу, — ответил он. — Я тебе не верю. Ты мог найти дхоти и банку утром, а ночью на меня и вправду напал дух». — «Но я же вам говорил, что это был я».

Но он больше не решался ходить той тропинкой в темное время суток. Все мои родные знали, что это я все подстроил.

Они видели, как я забирался на дерево. Но даже они испугались. Они начали говорить: «Может, в тебя тогда вселился дух». «Странные вы люди! — удивлялся я. — Я же сказал, что это моих рук дело. А теперь вы начинаете придумывать всякие небылицы! Вот поэтому я все это и затеял. Вы не можете поверить, что все может быть настолько просто».

Когда поднимается страх, это означает, что тебе придется столкнуться с ним лицом к лицу. И идея Бога никак тебе в этом не поможет.

Больше у тебя не будет веры; она разрушена. С той секунды, как ты встретил меня, у тебя уже не может быть веры в Бога. Ведь реально только сомнение, а вера — простая фикция. А ни одна фикция не сможет устоять перед фактом. Отныне Бог останется для тебя только гипотезой; твоя молитва будет бесполезна. Ты будешь знать, что это гипотеза. Ты уже не сможешь этого забыть.

Стоит тебе услышать об истине — и забыть о ней уже невозможно.

Такова одна из ее особенностей — ее незачем запоминать.

О лжи нужно постоянно помнить; ведь можно случайно сболтнуть лишнее. Человеку, склонному к вранью, нужна хорошая память, чего не скажешь о том, кто правдив. Такому человеку память ни к чему; если ты говоришь только правду, тебе незачем ее помнить. Но если ты врешь, то нужно постоянно все запоминать, ведь если здесь сказать одну неправду, там — другую, и так далее... Потом приходится раскладывать свое вранье по полочкам, запоминать, кому и что ты сказал. А когда твоя ложь всплывает, тебе снова придется врать — и так потянется целая вереница. Ложь не поддается мерам «по ограничению рождаемости».

Истина дает обет безбрачия, у нее вообще не бывает детей; она по сути своей одиночка.

Стоит тебе осознать хотя бы раз, что Бог — только гипотеза, созданная священниками, политиками, властной элитой и педагогами — теми, кто стремится удержать тебя в оковах психологического рабства, теми, кто кровно заинтересован в твоём рабстве... Все они хотят, чтобы ты продолжал бояться — всегда; чтобы ты вечно дрожал от страха, ведь если ты не боишься — ты опасен.

У тебя есть выбор: либо стать жалким трусом, готовым подчиниться и сдаться, стать человеком, утратившим достоинство и уважение к самому себе, — либо обрести бесстрашие. Но тогда ты превратишься в бунтаря, это совершенно неизбежно.

Можно быть либо верующим, либо мятежником. Так что люди, не желающие твоего превращения в бунтаря, поскольку бунтарство не соответствует их интересам, продолжают забивать твою голову христианством, иудаизмом, исламом и индуизмом. Именно они заставляют тебя испытывать страх.

В нем источник их могущества, так что любой, кто хочет его достичь, в чьей жизни нет ничего, кроме огромной жажды власти, извлекает огромную выгоду из предположения о существовании Бога.

Если ты боишься Бога — а если ты в Него веришь, то непременно боишься, — ты обязан подчиняться Его заповедям и заветам, почитать Его священные тексты, мессий и воплощения. Ты обязан слушать Его и Его заместителей. На самом деле Его не существует, есть только Его заместители. Это весьма странный бизнес.

Религия — самый странный бизнес из всех существующих. Здесь нет начальника, но есть его посредники: священник, епископ, кардинал, Папа Римский, мессия, вся эта иерархия — а на самом вершине никого нет! Но Иисус получает Свои полномочия и власть от Бога — ибо Он есть единственный Его возлюбленный Сын. Папа Римский получает полномочия от Иисуса — ибо он есть Его непогрешимый и истинный заместитель. И так далее, вплоть до рядового священника. Но Бога-то нет, есть только твой страх.

Ты просил, чтобы Бога придумали, ведь тебе было очень трудно жить в одиночку. Ты не мог справиться с жизнью, с ее красотой и радостью, ее горестями и страданиями. Ты не был готов пережить все это сам, без защиты, без того, кто стал бы для тебя спасительным зонтиком. Из страха ты просил о Боге. А мошенника можно встретить где угодно. Ты просишь — и он все для тебя сделает. Ты просил, и они откликнулись: «Мы знаем, что Бог есть, просто прочитай эту молитву...»

У Толстого есть замечательная история. Когда до патриарха Русской православной церкви дошли слухи о том, что где-то за озером, под сенью дерева живут три старца, тот

впал в сильнейшее беспокойство. Слава их растет столь стремительно, что люди перестали обращаться к патриарху, а совершают паломничество к трем святым.

А надо сказать, что в христианстве святой — явление достаточно странное. В любой другой культуре слово «святой» и все, что с ним связано, — весьма почитаемые понятия. Но в христианстве все не так, поскольку «святых» там назначают, удостоверяют Папа или патриарх. Жанну д'Арк отнесли к лику святых через триста лет после ее гибели! Один непогрешимый Папа сжег ее заживо. А через триста лет, поскольку популярность Жанны д'Арк в народе все росла, церковь передумала. Тогда Папа решил, что настало время объявить ее святой. Вначале ее признали ведьмой и сожгли заживо — это сделал один непогрешимый Папа. Через триста лет другой столь же непогрешимый Папа провозгласил Жанну д'Арк святой. Ее могилу вскрыли, и все, что там обнаружили — может, пару косточек, — достали, объявили святыми мощами и принялись поклоняться. Так она стала святой.

«Святой» в христианском понимании — совершенно отвратительное понятие. В санскрите есть слово *sant*, аналогичное английскому слову *saint* — святой. Английское *saint* происходит от *sant*, и звучат эти слова почти одинаково; однако санскритское *sant* означает «тот, кто достиг, кто познал». *Sat* означает высшая истина, а тот, кто познал ее, называется *sant* — *святой*. И папское признание здесь совершенно ни при чем! Святой — не титул и не звание, которое можно получить.

Патриарх разгневался не на шутку, ведь вокруг только и разговоров было, что о тех трех святых. Он недоумевал: «Как они стали святыми? Ведь я их не признавал. Это просто неслыханно!» Но люди есть люди... Они по-прежнему шли к трем старцам. И вот наконец патриарх решился: «Я должен с ними встретиться. Кто они такие? Они объявили себя святыми? Но я понятия не имею, что это за люди. Мне о них не докладывали, а ведь только я могу объявить человека святым». Он был вне себя от гнева.

Он сел в лодку — а лодка у него была великолепная, ведь патриарх — важная птица, в сфере религии он по

рангу стоит выше царя. Даже царь с царицей приходили поклониться ему в ноги. Он подумал: «Что это за глупцы? Никто о них и слыхом не слыхивал, а они объявляют себя святыми!» Он прибыл на остров и нашел там трех простых и с виду совершенно обыкновенных старичков, которые мирно сидели под деревом. Завидев патриарха, они вскочили, бросились к его ногам и молвили: «Напрасно вы утруждали себя. Вы могли послать за нами — мы бы сами пришли к вам».

Патриарх немного успокоился, и все же голос его прозвучал властно и требовательно: «По какому праву вы объявили себя святыми? «Нам ничего о том не ведомо, — отвечали старцы. — Мы даже не знали, что мы святые. А кто вам об этом сказал?»

Патриарх понял, что эти трое — совершенно темные и необразованные люди. Они ничего не знают о религии и христианстве. «А как вы молитесь? — спросил он. — Вы знаете православные молитвы? Без них вас даже христианами нельзя считать, не то что святыми!»

«Мы люди темные, — отвечали старцы, — молитвам нас никто не учил. Но если будет на то ваша милость, мы вам признаемся: мы сочинили собственную молитву». «Что? — воскликнул патриарх. — Собственную молитву?! Ну хорошо, прочитайте мне вашу молитву». «Прочитай ты», — сказал один старец другому. «Нет, лучше ты», — отвечал тот. Они робели и чувствовали себя очень скованно. «Прочти ты! — обратился патриарх к одному из старцев. — Все равно, кто будет читать».

«Мы прочтем молитву вместе, — проговорили все трое. Их молитва звучала очень просто. — “Вас на небе трое — Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух. И нас тоже трое — помилуйте нас”. Вот и вся наша молитва. А больше мы ничего не знаем. Мы слышали, что Бог — един в трех лицах, и нас тоже трое, а что еще нам нужно? Помилуйте нас! Вас трое, нас трое — помилуйте нас».

«Это возмутительно! — воскликнул патриарх. — Вы превращаете веру в балаган!» — «Тогда научи нас правильной молитве, и мы будем ее повторять».

Патриарх научил их, как молиться, он прочитал им длинную православную молитву. Старцы послушали и

сказали: «Повторите еще раз. Молитва большая, и мы можем ее забыть. Наша молитва коротенькая, и мы ее никогда не забываем. Ведь она такая простая. Мы всегда помним, что Бог — это Троица, и нас трое, и просим по-миловать нас. Здесь нет ничего сложного. Ваша молитва... если мы ее забудем или случайно ошибемся...»

И патриарх прочитал молитву во второй раз. «Еще раз, пожалуйста», — попросили старцы. Молитва прозвучала в третий раз и старцы сказали: «Мы постараемся запомнить».

Патриарх был счастлив, ибо он наставил этих глупцов на путь истинный. Что у них за молитва? Это с ней они стали святыми? Чрезвычайно довольный собой, патриарх отправился в обратный путь. Таковы благодетели человечества!

Проплыв до середины озера, он обернулся и увидел, что старцы бегут за ним по воде! Он не поверил своим глазам! «Постойте! — кричали они. — Мы забыли вашу молитву! Повторите ее еще раз, и мы не будем вас больше беспокоить». Они стояли на воде! Патриарх преклонил перед ними колени и молвил: «Простите меня. Повторяйте свою молитву, она совершенно правильная. И вам незачем спрашивать у меня разрешения. Если мне нужно будет о чем-то спросить, я приду к вам. Теперь я знаю, чья молитва правильная».

Три старца показывают нам одну простую истину: если у тебя есть вера, это никак не является доказательством существования Бога. Однако вера дает тебе некую целостность, некую силу. Правда, эта вера должна быть очень чиста. У этих старцев под верой не было никакого страха. Они не ходили в церковь, чтобы выучить молитву, не задавали вопросов: «Что такое Бог? Где находится Бог?» Ни о чем таком они не спрашивали. Просто они были чисты и невинны; из этой невинности и родилась их вера. Такая вера не доказывает, что Бог существует; она доказывает только то, что сила в невинности.

Это лишь легенда, но невинность — это сила. Да, ты можешь ходить по воде, но только по причине своей чистоты — невинности и веры. Но такое случается крайне редко, ведь каждый родитель, любое общество разрушают твою невин-

ность, прежде чем ты ее обретишь. Они навязывают тебе всяческие убеждения, и ты принимаешь их, потому что боишься. В темной комнате мама говорит: «Не бойся; Бог видит тебя. Он присутствует повсюду».

Я слышал историю о католической монахини, которая принимала душ, не раздеваясь. Остальные монашки забеспокоились: «Она что, повредилась рассудком?» Но бедняжка им отвечала: «Мне говорили, что Бог есть повсюду, значит, Он есть и в ванной. А нам не подобает показываться перед Господом голыми».

Кому-то эта женщина покажется глупой, но в ней есть некая чистота. А если вера рождается из такой невинности, совершенно не важно, на что эта вера направлена.

Невинность придает силу, но она разрушается, а я пытаюсь вернуть тебе именно ее — я хочу, чтобы ты вновь обрел чистоту и невинность. Но для этого тебе придется пройти несколько этапов.

Ты должен отказаться от идеи Бога, Который помогает тебе обуздать твой страх. Ты должен пройти через страх и принять его как реальность человеческой жизни. Не нужно от него убежать. Следует в него погрузиться, и чем глубже ты пойдешь в свой страх, тем меньше его останется.

Когда ты достигнешь самого дна страха, ты просто рассмеешься: окажется, что бояться было нечего. А когда страх уйдет, останется невинность, которая и есть *summum bonum* — подлинный источник и сама суть истинно религиозного человека.

Такая невинность и есть сила. Такая невинность — единственное настоящее чудо.

Она способна на многое, но ты не станешь из-за нее христианином, ты не превратишься в мусульманина. Невинность превратит тебя в простого, обычного человека, который полностью принимает свою простоту, проживает ее с радостью и благодарит все Сущее — а не Бога, ибо эту идею тебе навязали.

А Существование — это не идея. Оно здесь — вокруг тебя, внутри и снаружи. Когда ты истинно чист, в тебе рождается глубокая благодарность — я бы не стал называть ее молитвой, ибо в молитве ты о чем-то просишь; нет, это скорее глубокая *благодарность*. Ты ни о чем не просишь, ты благодаришь за то, что тебе уже дали.

А ведь тебе дано столь многое! Разве ты все это заслужил? Разве ты это заработал? Сущее одаривает тебя столь многим, что просто некрасиво просить у него о чем-то еще. Будь благодарен за то, что уже имеешь. И что самое удивительное: когда ты исполнен благодарности, Сущее начинает одаривать тебя еще больше. Так создается круг — чем больше ты получаешь, тем больше благодаришь; чем больше благодаришь, тем больше получаешь... И так до бесконечности — этот процесс непрерывен.

Но помни: идеи Бога больше нет. Как только ты назвал ее гипотезой, эта идея уже исчезла. Боишься ты или нет, но тебе ее не вернуть. С ней покончено. Тебе остается только одно — погрузиться в собственный страх. Тихо войти в него — так, чтобы ты мог ощутить его глубину. Иногда оказывается, что он не так уж и глубок.

На эту тему есть одна дзэнская история. Человек ночью поскользнулся и упал со скалы. Он знал, что в этом месте пролегает очень глубокое ущелье. Вцепившись в ветку, которая свисала над обрывом, он с ужасом представлял глубину простирающейся под ним бездны. В темноте он видел только бездонную пропасть. Он закричал, и крик эхом прокатился по ущелью. Его никто не услышал.

Представляешь, что пережил человек той ночью? В любую секунду он мог погибнуть, его руки заоченели, хватка слаба...

А когда взошло солнце, он посмотрел вниз и рассмеялся: никакой бездны под ним не было. В полуметре от его ног торчал камень. Он был достаточно велик, так что человек вполне мог провести на нем ночь и хорошо выспаться. Вместо этого он пережил настоящий кошмар.

Могу сказать по своему опыту: глубина страха — не более полуметра. Так что тебе решать — хочешь ли ты и дальше цепляться за ветку и превратить свою жизнь в кошмар — или наконец осмелишься ослабить хватку и встать на ноги.

Тебе нечего бояться.